

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

А.Л. Корзинин — Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530—1540-х гг. 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Н.А. Власов — Альфред фон Вальдерзее 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Д.С. Дударев, С.Л. Дударев — Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.) 43

СООБЩЕНИЯ

В.А. Ипполитов, А.А. Слезин — Восприятие в комсомоле статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» ... 52

М.Р. Гасанов — Каспийский поход Петра I 1722—1724 гг. — важный этап в развитии российско-дагестанских взаимоотношений 61

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Э.М. Аббасов — Неизвестные страницы истории Бакинского государственного университета 70

Чжун вэ Чжо — Реорганизация советских профсоюзов в 1928—1931 гг. 87

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

И.С. Рыбачёнок — Заграничное турне профессора Ф.Ф. Мартенса 100

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Советско-германский пакт о ненападении 1939 г.: узловые моменты дискуссий 123

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Е.В. Воейков — Борьба лесной охраны с хищениями леса в Поволжье в годы нэпа 140

С.А. Репинецкий — Принятие революции: как российские либералы стали ее сторонниками 151

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

С.Г. Кцова — Некоторые аспекты трансформации этнической религии осетин во второй половине XIX — начале XX в. 162

ИСТОРИОГРАФИЯ

К.В. Минкова, С.Л. Ткаченко — Дж.П. Гасанлы. Советская политика по расширению южных границ: Сталин и азербайджанская карта в борьбе за нефть (1939—1945) 172

Возвращаясь к напечатанному 175

Государев двор в период боярского правления: практическая реализация поместного верстания 1530—1540-х гг.

А.Л. Корзинин

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы персонального состава, особенности развития и преобразования Государева двора в период боярского правления (1533—1547 гг.). Автор заостряет внимание на результатах поместного верстания дворян в конце 1530-х — начале 1540-х гг., пожалованиях земель представителям придворной элиты в 1539—1540 годах. Для доказательности выводов привлечены сведения из писцовых книг Новгородской земли 1530-х гг., Тверской писцовой книги 1539/1540 г., фрагмента описания поместных и вотчинных земель Московского уезда 1542/1543 г., данные разрядных и вкладной книг, синодиков.

Ключевые слова: боярское правление, историография, дворянство, земельные пожалования, придворная элита.

Abstract. The questions of membership, features of development and reforms of the Monarch Court in the period of the Boyar rulling (1533—1547) are considered in the article. The author focuses attention on results of land imposition of noblemen in 1530—1540th, grants of lands to representatives of court elite in 1539—1540. Data from the cadastral books of Novgorod of the 1530th and Tver of 1539/1540, a fragment of the description of estate and private lands of the Moscow state of 1542/1543, information from military and monastery books, sinodiki are attracted to substantiality of conclusions.

Key words: Boyar rulling, historiography, nobility, land grants, court elite.

Тема исследования персонального состава Государева двора в период боярского правления принадлежит к числу слабо изученных сюжетов в отечественной историографии. Хотя события боярского правления издавна привлекали к себе внимание историков, наиболее притягательными для изучения были перипетии политической борьбы того времени.

В XIX — начале XX в. российские ученые свои оценки боярского правления черпали в основном из официального летописания, произведений Ивана Грозного, твердо отстаивая принцип монархического государственного управления, в свете которого господство

Корзинин Александр Леонидович — доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.korzinin@spbu.ru.

Korzinin Alexander L. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University, History Institute. E-mail: a.korzinin@spbu.ru.

знати в 30—40-х гг. XVI в. воспринималось исключительно негативно ¹.

Советская историография, подхитившая к истории России с классовых позиций, предложила свою схему для изучения периода боярского правления. Восприняв один из тезисов «государственной школы» С.М. Соловьёва — К.Д. Кавелина о борьбе самодержавия с боярством, многие советские историки наполнили его новым содержанием. Носителем идеи национального единства стало выступать формировавшееся самодержавие, опиравшееся на дворянство, а противовесом этих национальных устремлений, поборником староудельных тенденций — крупная феодальная знать — княжата и боярство, захватившие все государственные отрасли управления ². То, что в интерпретации С.Ф. Платонова выглядело как простая случайность, в глазах И.И. Смирнова «в действительности являлось формой политической борьбы». Исследователь считал, что «политическая реакция 30—40-х гг. XVI в., направленная против самодержавия московских государей, закономерно проявила себя в разрушении государственного аппарата власти в направлении восстановления феодальной раздробленности удельных времен» ³. Смирнов был категоричен в своей итоговой оценке: «Усиление феодальной эксплуатации, которое несли с собой захватившие власть княжата и бояре, позволяет характеризовать боярское правление как реакцию не только политическую, но и социальную» ⁴.

Подобный взгляд разделял А.А. Зимин, считавший, что князья Шуйские олицетворяли собой реакционную княжеско-боярскую оппозицию, а Бельские и Захарьины выступали последовательными сторонниками централизованного государства ⁵.

Противоположная мнению Смирнова и Зимина точка зрения на устремления аристократии впервые была высказана Н.Е. Носовым. Исследуя местное управление в России в годы боярского правления, начало важнейшей губной реформы и деятельность И.Г. Морозова, историк пришел к выводу, что «в лице его мы имеем отнюдь не представителя оппозиционного боярства, а активного сторонника продолжения политического курса Василия III, лишь временно примкнувшего в годы боярского правления, в силу тех или иных причин к боярской группировке Бельских» ⁶.

Г.В. Абрамович обосновал прогрессивную направленность помещичьей политики в годы правления Шуйских и выступил апологетом данного боярского титулованного рода ⁷.

Сущность нового подхода реабилитации периода боярского правления в дальнейшем выразил Р.Г. Скрынников: «Борьба за власть между боярскими кланами и придворными группировками носила ожесточенный характер, но она не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Жертвами их стали немногие лица. Время так называемой боярской реакции стало временем экономического процветания страны» ⁸.

Исследованием иммунитетной политики в 1530—1540-е гг. занимался С.М. Каштанов, который доказывал широкое распространение монастырского иммунитета и выдачу тарханских грамот во время «боярской реакции» в связи с непрочными позициями боярских правительств и их стремлением заручиться поддержкой духовных феодалов ⁹.

Политическую борьбу в годы боярского правления поставил в центр своего исследования А.Л. Юрганов. Историк пришел к выводу, что в период правления Елены Глинской преобладающей формой борьбы бояр за власть были личные противоречия между опекунами, а не соперничество боярских группировок, как считал Смирнов ¹⁰.

Советские историки предложили различные оценки политики боярских правительств: Зимин, Смирнов считали, что эта политика являлась антидворянской и антигосударственной, а Носов, Абрамович — что она была направлена в целом на утверждение самодержавных порядков и укрепление экономических основ государства ¹¹.

Новейшие исследования М.М. Крома показывают жизнеспособность и перспективы точки зрения на период боярского правления, предложенной Носовым и Абрамовичем ¹². Перу Крома принадлежат исследования по отдельным вопросам периода боярского правления, а также недавно вышедшая монография, в которой автор подвел итоги многолетнего изучения эпохи «дворских бурь» и аккумулировал свои главные выводы по важнейшим вопросам политического кризиса в России в 30—40-х гг. XVI века ¹³. Значимой представляется точка зрения ученого, заключающаяся в том, что в период боярского правления не произошло полного обновления правящей элиты. Боярская дума превратилась в центральное государственное учреждение, возросло ее значение как коллективного органа принятия решений в политической и судебно-административной сферах ¹⁴.

В работах В.Д. Назарова и В.А. Аракчеева акцент делается на злоупотреблениях при боярах со стороны наместников и волостелей, на анархии и беспорядках в обществе, хищническом захвате представителями правящих группировок дворцовых и черносошных земель ¹⁵.

В.В. Шапошник рассмотрел взаимоотношения руководства Русской православной церкви с соперничавшими боярскими группировками и сделал оригинальные наблюдения, касающиеся политической борьбы ¹⁶. Исследователь не согласен с мнением Крома о замене отдельных лиц в правящей элите вследствие дворцовых переворотов и о неправомерности отождествления боярских группировок с правительствами, полагая, что происходила смена боярских правительств, «ведь правительство и состоит из отдельных лиц» ¹⁷.

Ряд публикаций об удельных дворах князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, а также о поместном обеспечении, окладах дворянства в 1533—1547 гг. принадлежит М.М. Бенцианову ¹⁸. Институт местничества, местническая борьба, думские назначения во время правления бояр нашли отражение в работах Ю.М. Эскина и А.М. Клеймолы ¹⁹. Отдельные стороны боярского правления раскрывают исследования зарубежных авторов: Н.Ш. Коллман, С.Н. Богатырёва, Ч. Гальперина и других ²⁰.

Однако многие проблемы периода боярского правления к настоящему моменту не изучены. В частности, это относится к вопросам о составе, эволюции, изменениях в организационной структуре Государева двора. Споры идут о направленности поместной политики боярских группировок. Исследование данных сюжетов, возможно, позволит не только пролить свет на сущность периода правления бояр, но и лучше понять вектор развития двора накануне преобразований 1550-х годов.

Один из дискуссионных вопросов затрагивает поместное верстание, проведенное в конце 1530-х — начале 1540-х гг., и его последствия для земельного обеспечения дворян. Земельная политика в период боярского правления изучалась Абрамовичем, опиравшимся на данные писцовых книг Новгородской земли и Твери, а также дворянские челобитные первой половины 1550-х годов²¹. Установив, что валовая перепись новгородских и тверских земель пришлась на 1538—1541 гг. и совпала по времени с «большим» поместным верстанием дворян 1538—1539 гг. (когда у власти находилась боярская группировка во главе с Шуйскими), исследователь сосредоточил внимание на анализе сохранившейся писцовой книги Тверской половины Бежецкой пятины Новгорода 1545 года²². По подсчетам Абрамовича, в данной части пятины «154 помещика из 360 получили прибавки, в результате чего средний размер их поместий увеличился с 17,5 до 21 обжи»²³. На основании уцелевшей переписки новгородских дьяков с московским правительством в 1550-е гг., зафиксировавшей многочисленные дворянские челобитные с просьбами о прирезке земель, автор установил, что «из 9 случаев упоминания о верстании лишь в одном помещику было отказано в прирезке земли и приказано служить со старого поместья без придачи», а «в остальных случаях к имевшимся 123,5 обжи было прибавлено еще 97 обож, или 79%»²⁴. По мнению историка, в поместном верстании за образец была взята норма в 11—13 обож на человека, что явилось важнейшим шагом на пути подготовки Уложения о службе 1556 года. В целом поместная политика князей Шуйских в 1538—1542 гг. «полностью соответствовала интересам широких масс поместного дворянства»²⁵. С критикой концепции Абрамовича в недавнее время выступили Е.И. Колычева, Кром и Бенцианов. Историки поставили под сомнение минимальную норму обеспечения служилого человека в 10 обож (100 четвертей доброй земли), сославшись на многочисленные случаи ее несоблюдения и придачи гораздо меньших по объему наделов²⁶. Кром привлек дополнительно несколько царских грамот новгородским дьякам 1555/1556 г. (не использованных Абрамовичем) и обратил внимание на частое невыполнение дьяками решений правительства о прирезке помещикам земли: из 11 разбирательств только в пяти случаях помещики получили прибавку²⁷. Кроме того, исследователь проанализировал другие источники, сообщавшие о реализации на практике поместного верстания 1538/1539 г. — писцовую книгу Деревской пятины 1538/1539 г., половину писцовой книги Водской пятины 1539 года. В них реальные факты прирезки помещикам земель немногочисленны и составляют около 23% всех случаев²⁸.

Действительно, если рассмотреть данные писцовой книги Торопецкого уезда 1539—1541 гг., письма А.Д. Ульянина и Т.С. Бибикова, то и здесь можно найти сходную картину²⁹. Из 43 описанных поместий придача земли наблюдалась лишь в 12 случаях³⁰. Следовательно, итоги поместного верстания конца 1530-х гг., проведенного боярами, не следует оценивать исключительно в позитивном ключе. Лишь четверть дворян получила земельную прибавку.

Кром допускает, что поместное верстание должно было коснуться и других уездов, писцовые описания которых до нас не дошли: Владимирского, Кашинского, Каширского, Коломенского, Москов-

ского и др., поэтому «поместная политика эпохи “боярского правления” затронула, вероятно, более широкие слои провинциального служилого люда, чем можно судить по немногим сохранившимся писцовым книгам»³¹.

Существует любопытный источник, свидетельствующий о вотчинном и поместном землевладении в Подмоскovie в начале 1540-х годов. В сборнике актов, дозорных и межевых записей Троице-Сергиева монастыря конца XVI — начала XVII в. под № 637 на листах 284об.—297 помещен фрагмент платежной книги поместных, вотчинных и монастырских земель Московского уезда — волостей Шеренка, Воря и Корзенов, Радонеж и Бели³². Фрагмент не имеет заголовка, кроме как «Волость Шеренка. В ней села и деревни [за детьми] за боярскими в поместье». С.Б. Веселовский при подготовке к изданию актов Троице-Сергиева монастыря дал копии документа следующий заголовок: «Около 1543 г. Роспись сошных окладов поместных, вотчинных и монастырских земель в волостях Шеренке, Воре, Корзенове и Радонеже». В примечании к источнику он отметил: «Список сошных окладов, вероятно, по писцовым книгам князя Романа Дашкова с товарищами 7054 [1545/1546] г. хранился в троицком архиве»³³. Л.И. Ивина убедительно доказала, что первая часть росписи (л. 283—294об.) появилась не позднее 1542/1543 г., а вторая (л. 295—298), содержащая роспись черных земель, отданных в волости Шерене в поместье детям боярским, была составлена не ранее 1547 года³⁴. Всего в первой части росписи сошных окладов упомянуто не менее 140 помещиков и вотчинников. Большинство из них происходило из малоизвестных фамилий: Борзцовых, Верхоглядых, Дворянкиных, Желтухиных, Княжнинных, Мошнинных, Рогатиных, Стоговых, Царевых, Шулеповых и других. Обычный размер поместья составлял полполполтрети и полполполчети сохи (25—35 четвертей доброй земли), реже — полполтрети и полполчети сохи (50—65 четвертей доброй земли). Преобладали мелкие поместные владения представителей мелких и средних фамилий. В росписи не найдено фактов прирезки земель помещикам в Московском уезде несмотря на наличие у них довольно скромных владений. Вероятно, поместное верстание коснулось не всех уездов, а преимущественно Северо-Запада, Новгородской земли и соседнего Тверского уезда, в первую очередь районов поместного землевладения.

Абрамович прослеживал испомещение многих служилых людей на материалах Тверской писцовой книги 1539/1540 г., где земли, пожалованные в период между 1538 и 1540 гг., были записаны в категории «великого князя села и деревни дворцовые, а розданы помещикам»³⁵. В вопросе о составе помещиков и итогах испомещений в Тверском уезде в научной литературе возникли разногласия. В.Б. Кобрин, в целом поддерживавший точку зрения о продворянской политике Шуйских, иначе, чем Абрамович, классифицировал состав землевладельцев Тверского уезда, взяв за основу материал писцовой книги 1539/1540 года. Он расширил число помещиков, которых относил к «служилой мелкоте» (они держали в руках около 30% земель), отделив их от представителей старых вотчинных и княжеских родов (70% поместий)³⁶. Против классификации, предложенной Кобриным, выступил Кром, отметивший ее неполноту и нивелирующий характер.

Вместе с тем, историк поддержал выводы Кобринина о том, что свыше 41% поместных земель в Тверском уезде к 1539/1540 г. принадлежали вотчинникам из других уездов, и что среди лиц, получивших поместья около 1539/1540 г., было много бывших слуг князя Юрия Ивановича Дмитровского, переселенных в центр страны и безболезненно перешедших на великокняжескую службу³⁷. Однако Бенцианов, специально изучивший двор дмитровского князя Юрия Ивановича, признал несостоятельность отнесения Кобриным землевладельцев, имевших владения в уездах, входивших в Дмитровский удел (Дмитровском, Рuzском, Звенигородском и Кашинском), во двор этого князя. Далеко не все феодалы этих уездов служили Юрию Дмитровскому, некоторые из них находились на великокняжеской службе³⁸.

Вызывает возражение сама методика, применяемая Кобриным, в отношении установления земельной принадлежности служилого человека. На основании кропотливо собранных и занесенных в специальную картотеку сведений из актов, писцовых книг о наличии у того или иного феодала земель, послушестве в различных сделках, он причислял служилого землевладельца к корпорации конкретного уезда, забывая, что добытая по крупницам информация не является полной. Произведенная ученым выборка сведений из исторических документов вряд ли может считаться репрезентативной, хотя и поражает своим масштабом и объемом проделанной работы.

Наибольший интерес для целей настоящего исследования представляют поместные пожалования лицам, входившим в Государев двор и получившим наиболее крупные участки земли³⁹. Смирнов не сомневался, что в период боярского правления происходило расхищение государственных земель, самовольное распоряжение земельной собственностью в корыстных интересах⁴⁰. Историк опирался на сообщения Степенной книги царского родословия, речи Ивана Грозного в преддверии Стоглавого собора, его переписку с Андреем Курбским, другие свидетельства⁴¹. Зимин, как и Смирнов, писал о придворной «борьбе за перераспределение земли внутри класса феодалов»⁴². Абрамович первым попытался опровергнуть этот тезис, сосредоточив внимание на поместной политике боярской группировки Шуйских в Тверском уезде. По подсчетам ученого, из 22 515 четвертей дворцовых земель, розданных здесь помещикам, 7738 пришлось на 14 поместий знати. Большая же часть (14 777 четвертей, распределенных среди 114 поместий) была роздана рядовым детям боярским, поэтому политика князей Шуйских, по его мнению, «была сознательно ориентирована на защиту интересов поместного дворянства»⁴³.

Точку зрения Абрамовича поддержал Кром. Согласно его расчетам, придворная знать получила не менее 10 500 четвертей поместной земли, в то время как «рядовые дети боярские» — 12 584 четверти⁴⁴. В отличие от Абрамовича Кром не включил в список первостатейной знати князей Елецких и Мышецких, мотивируя это тем, что «у них не было высоких покровителей при дворе». С наблюдением историка можно согласиться лишь отчасти. Кажется непонятным, за какие заслуги Елецкие в отличие от В.И. и А.И. Мышецких (им было дано 107 четвертей земли) получили в общей сложности 1195 четвертей поместной земли. Князя Василий Иванович и Семён Иванович Елецкие известны только службой на воеводских должностях и боль-

ше никак себя не проявили ⁴⁵. При ближайшем рассмотрении этого вопроса выяснилось, что дочь князя Семёна Ивановича Елецкого Ирина приходилась второй женой князю Андрею Васильевичу Ногтеву, однородцу могущественных князей Шуйских ⁴⁶. Следовательно, князья Елецкие тоже примыкали к придворной знати. Видимо, не случайно имена князей Елецких в тексте писцовой книги стоят сразу за именем князя П.И. Шуйского.

Чтобы попытаться разрешить спор о направленности земельных раздач в Тверском уезде необходимо привести список крупнейших тверских помещиков и определить объем пожалованных земель, попутно раскрыв семейные и родственные связи тверских землевладельцев в 1539/1540 г. с лицами, находившимися в тот момент на вершине власти. Среди владельцев тверских поместий из придворной элиты были:

— князь Пётр Иванович Шуйский (младший сын временщика, боярина Ивана Васильевича Шуйского) имел в Горицком стане волости Хорвач село и 71 деревню (1306 четвертей земли в одном поле) ⁴⁷;

— князь Семён Иванович Глинский (сын князя Ивана Семёновича Глинского, троюродный брат князя М.Л. Глинского, двоюродный дядя Юрия, Ивана и Михаила Васильевичей Глинских) — за ним в волости Захожье находилось село, 65 деревень и 61 починок (1117 четвертей земли) ⁴⁸;

— князь Александр Борисович Горбатый (сын боярина, князя Б.И. Горбатого, однородец князей Шуйских) получил в Микулинском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского (умершего до 19 сентября 1540 г.), 54 деревни (1072 четверти) ⁴⁹;

— князь Дмитрий Иванович Пунков-Микулинский (происходил из рода Тверских князей, представители которого сохранили родовые земли в Микулине) в Микулинском уезде имел сельцо и 42 деревни (821 четверть), его младший брат князь Иван Иванович Пунков-Микулинский владел селом с 26 деревнями (634 четверти) ⁵⁰, княгиня Анна, вдова князя В.А. Микулинского, после смерти мужа получила в поместье часть его бывшей вотчины в Микулинском стане, 2 села, волостку и 94 деревни (1887 четвертей), ее дочь Александра Васильевна Микулинская, жена Ф.И. Беззубцева, распорядилась селом с деревнями (неполный итог 314 четвертей) ⁵¹;

— князь Борис Дмитриевич Щепин-Оболенский (сын князя Дмитрия Щепы Семёновича, родной брат дворецкого и боярина великого князя Василия III С.Д. Серебряного ⁵², родственник боярина и конюшего князя И.Ф. Овчины Телепнева-Оболенского) в волости Воловичи владел селом, 2 сельцами, 37 деревнями (800 четвертей) ⁵³, его младший брат князь Дмитрий Дмитриевич Щепин в Горицком стане в волости Хорвач — селом и 8 деревнями (324 четверти) ⁵⁴, племянник Бориса и Дмитрия Щепиных, князь Андрей Иванович Золотой-Оболенский в Юрьевском стане волости Хорвач — тремя сельцами, 12 деревнями и тремя пустошами (458 четвертей), княгиня Арина, вдова князя Ф.Д. Шевыря-Щепина-Оболенского с сыновьями Дмитрием и Иваном получила в Микулинском стане два села и 23 деревни (456 четвертей) ⁵⁵;

— Григорий Васильевич Морозов (сын боярина В.Г. Поплевина-Морозова и племянник боярина И.Г. Морозова) получил в Мику-

линском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского, село и 40 деревень (791 четверть) ⁵⁶;

— князя Семён Иванович Кокорев и его троюродные братья Андрей и Василий Ивановичи Слезкины-Елецкие (находившиеся в родственных отношениях с князьями Ногтевыми и Шуйскими) в волости Хорвач в Горицком стане имели 4 сельца с 36 деревнями и в Микулинском стане 10 деревень (всего 1195 четвертей земли) ⁵⁷;

— князь Семён Васильевич Ростовский (племянник боярина князя А.Д. Ростовского) получил в Микулинском стане в поместье часть выморочной вотчины князя В.А. Микулинского, а также сельцо с 28 деревнями (588 четвертей) ⁵⁸;

— князь Юрий Михайлович Булгаков (из рода великого князя Литовского Гедимина, родственник и сторонник князей Д.Ф. и И.Ф. Бельских, с апреля 1540 г. боярин) ⁵⁹ в Юрьевском стане в волости Хорвач имел село и 10 деревень с пустошью и в Микулинском стане 8 деревень (533 четверти) ⁶⁰;

— князя Фёдор и Иван Фёдоровичи Гундоровы (дети Фёдора Пестрого Гундора Палецкого) — имели в волости Каве село, 37 деревень и 5 починков (549 четвертей), их племянник князь Семён Иванович Гундоров в Юрьевском стане получил село, 9 деревень и 2 пустоши (269 четвертей), княгиня Домна, вдова Ивана Татя Фёдоровича Хрипунова-Ряполовского (двоюродного брата окольничего князя И.Ф. Стригина-Ряполовского), с детьми Андреем и Фёдором владела в Микулинском стане селом и 17 деревнями (350 четвертей) ⁶¹;

— Нагой Фёдор Михайлов сын (с 1533 г. великокняжеский ловчий, сын ловчего М.И. Нагого ⁶², состоял в родственных отношениях с близкими к великой княгине князьями Оболенскими: дочь Ф.М. Нагого Екатерина Фёдоровна вышла замуж за князя Ивана Пуговку Александровича Стригина-Оболенского ⁶³), имел в Микулинском стане село и 22 деревни (486 четвертей), а его брат А.М. Нагой в том же стане — село и три деревни (240 четвертей) ⁶⁴.

Не отставали от первостатейной знати в деле обогащения в годы боярского правления и великокняжеские дьяки со своими родственниками:

— Фёдор Посник и Яков Губины дети Моклоковы имели в волости Шестка село и 21 деревню (433 четверти земли) ⁶⁵;

— Бакака, Третьяк, Василий Митрофановы дети Карачаровы владели в волости Шейского уезда сельцом и 34 деревнями (552 четверти) ⁶⁶.

В количественном отношении объем полученных земель представителями знатных родов можно выразить в виде таблицы (см. стр. 19).

В приведенной таблице хорошо видно, кто извлек наибольшую выгоду из боярского правления и приобрел больше всего земель под Тверью. Если не считать князей Микулинских, издревле владевших землями в Микулинском стане, то недвижимость в Тверском уезде к 1540 г. досталась следующим лицам: представителям рода Суздальских князей (2378 ч.), находившимся с ними в родстве Елецким князьям (1195 ч.), родственникам фаворита княгини Елены Глинской князя И.Ф. Овчины Телепнева князьям Щепиным-Оболенским (2038 ч.), родственникам великого князя по матери, князьям Глинс-

№	Роды	Общее кол-во поместной земли по данным писцовой книги Тверского уезда (в четвертях)	Средняя норма на человека (в четвертях)
1.	Микулинские князья (4 чел.)	3656	914
2.	Суздальские князья (2 чел.)	2378	1189
3.	Щепины-Оболенские князья (6 чел.)	2038	339
4.	Елецкие князья (3 чел.)	1195	398
5.	Стародубские князья (6 чел.)	1168	194
6.	Глинские князья (1 чел.)	1117	1117
7.	Морозовы (1 чел.)	791	791
8.	Нагие (2 чел.)	726	363
9.	Ростовские князья (1 чел.)	588	588
10.	Гедиминовичи (1 чел.)	533	533
	Итого	14190	

ким (1117 ч.), а также фамилиям, представители которых находились в 1534—1540 гг. в Боярской думе: князьям Стародубским (1168 ч.), Морозовым (791 ч.), Ростовским (588 ч.), Гедиминовичам (533 ч.). В дозорной книге Тверского уезда 1551—1554 гг. упоминается поместье в волости Суземье князя И.М. Шуйского в 743 четверти, приобретенное им после 1540 г. (в книге 1540 г., по наблюдениям Абрамовича, эти деревни числились еще чернососными)⁶⁷. В документе отмечены факты насильственного захвата князем Шуйским, Г.В. Морозовым помещичьих земель⁶⁸.

Странным представляется отсутствие упоминаний о поместных владениях у влиятельных братьев, князей М.И. и И.И. Кубенских, из которых князь М.И. Кубенский к 1539 г. был боярином, а его брат Иван дворецким. Несмотря на их пребывание у кормила власти, земель в Тверском уезде они не получили. Вероятно, их позиции не были прочными, как и положение при дворе И.С. Воронцова (окольного с 1538 г.) и его брата дворецкого угличского и галицкого Ф.С. Воронцова. Из других высокопоставленных лиц поместные пожалования в Твери не достались М.Ю. Захарьину (умер к октябрю 1539 г.), М.В. Тучкову (скончался к июню 1540 г.), тверскому дворецкому И.Ю. Шигоне-Поджогину (умер к 1541 г.), дьяку Г.Н. Путьяину (умер к началу 1542 г.)⁶⁹. Можно предположить, что пик поместных раздач в Тверском уезде пришелся на лето-осень 1540 г. (после кончины князя В.А. Микулинского к началу сентября 1540 г.). Это было беспокойное время, отмеченное всплеском острого внутривластного кризиса. На июль 1540 г. падает самое большое количество местнических челобитий и судов чести — 9 случаев, которые относятся преимущественно ко времени разряда полков на Берегу. Статистика показывает, что в 1539 г. было 3 случая местнических столкновений, в 1541 — 2, в 1542 — 2, в 1543 — 5, в 1544 — 8, в 1545 — 2, в 1546 г. — 0⁷⁰. Новоиспеченный боярин князь Ю.М. Булгаков (получил думный чин в декабре 1539 г.) в июле 1540 г. во Владимире бил челом о местах на князя В.А. Микулинского, предводителя войска, и когда в августе Микулинский тяжело заболел, вместо тверского князя возглавил полки⁷¹. Рост влияния Булгакова был закреплен и стяжанием крупного поместья в Тверском уезде.

Любопытно, что владения в период боярского правления приобретались как правило не самими временщиками (исключение составляет князь И.М. Шуйский), а их родственниками, очевидно, не без протекции членов семьи. Общий объем пожалованных 27 представителям титулованной и нетитулованной аристократии земель в 14 190 четвертей (не считая 985 четвертей поместной земли, доставшихся Моклоковым и Карачаровым) из 22 500 четвертей, пущенных в поместную раздачу, свидетельствует о преобладании в Тверском уезде владений придворной верхушки над поместьями дворовых и городских детей боярских. Данные факты красноречиво свидетельствуют о правоте слов царя Ивана Васильевича о корыстных поступках бояр, обращенных к князю Андрею Курбскому: «Вся восхитиша лукавым умышлением, бутто детем боярским жалование, а все себе у них поимаша во мздоимание, а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству»⁷². Известна еще одна реплика юного государя в укор боярам, вырвавшаяся у него в 1550 г.: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а иньде больши»⁷³. В январе 1565 г. накануне введения опричнины Иван IV вновь вспомнил, как в годы его малолетства «бояре его и воеводы земли его государские себе разоимали, и другом своим и племяни его государские земли роздавали. И держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалования государския кормленые емлючи, и собрав себе великие богатства, и о государстве и о всем православном христианстве не хотя радети»⁷⁴. Царь, очевидно, сильно преувеличивал масштабы расхищения боярами и их родичами государевых земель, но все же в словах монарха была значительная доля правды.

На важные реформы двора, проведенные в конце 1530-х гг., было обращено внимание Бенцианова. Ученый, вслед за Н.П. Лихачёвым, пришел к выводу, что около 1537 г. была составлена боярская книга, следы которой можно обнаружить в дворянских родословных росписях конца XVII в., Тысячной книге 1550 г., заголовках ряда списков Дворовой тетради (7045 год)⁷⁵. Скорее всего, в 1536/1537 г. был составлен один из ранних, не дошедших до нас боярских списков.

Также при боярах имело место привлечение новгородцев и рязанцев к службе при дворе. По наблюдениям Бенцианова, если в 20—30-е гг. XVI в. служба рязанских бояр была связана с Рязанской землей, то первый случай масштабного привлечения наиболее видных рязанских детей боярских к воеводской службе за пределами Рязанской земли произошел в августе 1538 г. и, вероятно, был связан с общим процессом реформ Государева двора конца 1530-х годов⁷⁶. С 1538 г. новгородские дети боярские, как и рязанцы, стали привлекаться к службе «в полках» за пределами Новгородской земли⁷⁷. Привлечение к дворовой службе новгородцев и рязанцев за пределами района их проживания, возможно, было продиктовано кадровым дефицитом, потребностью государственного аппарата располагать опытными воеводами среднего звена для общих, а не только локальных военных задач.

Бенцианов допускает, что во второй половине 1530-х гг. проводились «чистки» состава дворовых детей боярских, что видно на примере дворян Писаревых. Из всех Писаревых, служивших при дворе в

первой трети XVI в., в Дворовой тетради находим лишь одного — И.Л. Писарева. По жалованным грамотам заметно, что падение остальных Писаревых произошло где-то в 30-е гг. XVI века. По мнению историка, в ходе пересмотра личного состава Государева двора большая часть Писаревых оказалась исключенной из его состава. Скорее всего, это событие имело место в 30-е гг. XVI в. и было приурочено к мероприятиям, сопутствовавшим созданию боярской книги 1537 года ⁷⁸.

В период боярского правления не только Писаревы исчезли (были исключены?) из числа дворовых детей боярских. Из нетитулованных детей при дворе перестали упоминаться Александровы, Апраксины, Давыдовы, приезжие из Византии Аминовы, Ангеловы, Ралевы, Ховрины и Траханиотовы, а также Еропкины, Картмазовы, Нелединские, Сарыхозины, Челюсткины. Заметно сократилось число служивших Алферьевых-Нашекиных.

Из княжеской знати со страниц служебных документов исчезли тверские князья Дорогобужские и Чернятинские, белозерские князья Андомские, Вадбальские, Кемские, Шелешпанские, князья Голенины-Ростовские, князья Дябринские, Кропоткины, Пожарские, Львовы-Зубатые, Ярославские. Значительно уменьшилось количество княжат из фамилий Стригиных-Оболенских, Ушатых-Ярославских, Холмских, Щетининых-Оболенских.

Преращение придворной службы при боярах для некоторых родов было связано с естественными причинами (например, пресечением ветвей рода, малолетством родичей), но для большинства фамилий за этим стояли, видимо, конкретные меры, предпринятые правительством, — прямые или косвенные. Например, греки Траханиотовы попали в опалу в конце правления Василия Ивановича — их перестали привлекать к государственным делам ⁷⁹. Другие выехавшие из Византии иноземцы, закрепившиеся при московском дворе при жизни Софьи Палеолог, а затем ее сына, великого князя Василия III, в боярское правление были вытеснены из элиты. Тогда же среди придворной знати значительно уменьшилось число служилых землевладельцев из княжеских родов. В 1533—1547 гг. на время прекратилась служба князей Бабичевых, Вяземских, Збаражских (Збарецких), Козловских, Кривоборских, Мосальских, Нагих-Оболенских, Пужбольских, Юхотских. Зато среди дворовых появились роды, ранее не известные своей службой: Адашевы, князья Дашковы, Милославские и другие.

Реконструкция персонального состава Государева двора периода боярского правления (с помощью ранее разработанной авторской методики) показала, что его численность стремительно выросла по сравнению с предшествующим временем ⁸⁰. За тринадцать лет боярского правления в 1533—1546 гг. дворовую службу несло не менее 612 чел. и 68 дьяков. При великом князе Иване III в 1462—1505 гг. служило около 856 дворовых и 63 дьяка, а при его преемнике Василии III в 1505—1533 гг. — 858 дворовых и 89 дьяков.

227 чел. из двора Василия III перешли в штат двора периода правления бояр (37% от состава последнего). К ним примыкали их дети и однородцы в количестве 280 человек (46%). То есть 83% состава двора эпохи «дворских бурь» были представлены детьми бояр-

скими предшествующего правления и их близкими родственниками. Лишь 105 чел. (17%) из новых фамилий добавились в состав двора в 1533—1547 годах. Таким образом, Государев двор в период боярского правления обновился менее чем на 20%, и отличался консерватизмом. 222 чел. из великокняжеского двора Василия III не попали в новый двор (по причине смерти, прекращения службы по старости, другим причинам).

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить непоследовательность и незавершенность поместного верстания дворян в конце 1530-х — начале 1540-х гг., невыполнение на практике декларируемых принципов упорядочивания поместных окладов и увеличения средней нормы земли, хищнического захвата придворной знатью крупных поместных владений в Твери и, вероятно, в других уездах страны в ущерб среднему и нижнему слою землевладельцев, испытывавшему сильный земельный голод. Однако в целом правительственная политика в период боярского правления отвечала нуждам Русского государства, потребностям в увеличении численности и кадрового потенциала служилых землевладельцев, оформлению в более четких границах Государева двора, фиксации представителей служилой элиты в специальном делопроизводственном документе, близком по содержанию к боярским спискам второй половины 1540-х годов. Нерешенные задачи с новой силой встали на повестку дня к 1550 году. Их выполнение вылилось в Тысячную реформу, отмену кормленной системы, Уложение о службе, смотр всех войск в Серпухове в июне 1556 года.

Примечания

Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-06-00134а «Правящая элита Русского государства последней четверти XV — первой половины XVI в.: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование».

1. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. 5—8. Калуга. 1995, с. 458—459, 466; СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М. 1993, с. 446—448; КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 1. М. 1995, с. 475; ПЛАТОНОВ С.Ф. Собрание сочинений по русской истории. Т. 2. СПб. 1994, с. 24.
2. РОТЕНБЕРГ С.С. Монархия с Боярской думой (к вопросу об установлении самодержавия в России). В кн.: Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Т. 35. Вып. 2. М. 1946, с. 77.
3. СМЕРНОВ И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.-Л. 1958, с. 22.
4. Там же, с. 26.
5. ЗИМИН А.А. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, с. 225—227.
6. НОСОВ Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.-Л. 1957, с. 313.
7. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.) — История СССР. 1979, № 4, с. 199; ЕГО ЖЕ. Князя Шуйские и российский трон. Л. 1991, с. 81—99.
8. СКРЫННИКОВ Р.Г. Царство террора. СПб. 1992, с. 89.
9. КАШТАНОВ С.М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М. 1967, с. 275—365, 376.

10. ЮРГАНОВ А.Л. Политическая борьба в годы боярского правления (1533—1538 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1987, с. 18—19.
11. КРОМ М.М. Политический кризис 30—40-х гг. XVI века (постановка проблемы). — Отечественная история. 1998, № 5, с. 3—7.
12. Там же, с. 8—10, 15.
13. ЕГО ЖЕ. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М. 2010.
14. Там же, с. 428—439; ЕГО ЖЕ. Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века (борьба за власть и механизм управления страной): автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб. 2010, с. 11.
15. НАЗАРОВ В.Д. Боярское правление. В кн.: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 283; АРАКЧЕВ В.А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII веков. М. 2014, с. 194.
16. ШАПОШНИК В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века. СПб. 2006, с. 26—96; ЕГО ЖЕ. Смерть Елены Глинской и придворная борьба в Москве (апрель-октябрь 1538 года). В кн.: Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Ю.Г. Алексеева. М. 2016, с. 47—54.
17. ЕГО ЖЕ. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е годы XVI века, с. 37.
18. БЕНЦИАНОВ М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского. — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010, № 2 (40), с. 41—55; № 3 (41), с. 55—68; ЕГО ЖЕ. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. — Там же. 2012, № 4 (50), с. 64—76; № 5 (51), с. 17—26; ЕГО ЖЕ. «Как бы службу нам устроить»: военно-организационные преобразования середины XVI в. — *Quaestio Rossica*, т. 2, 2014, № 1, с. 80—93; ЕГО ЖЕ. «Поверстати по достоинству безгрешно...»: система окладов в Русском государстве XV—XVI вв. — Там же, т. 4, 2016, № 1, с. 17—36.
19. ЭСКИН Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М. 1994; ЕГО ЖЕ. Динамика местнических споров в XVI—XVII веках. — Российская история. 2013, № 4, с. 59—82; KLEIMOLA A.M. Status, Place and Politics: The Rise of Mestnichestvo during the Boiarskoe Pravlenie. In: *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. Bd. 27. Berlin. 1980, S. 195—214; EJUSD. Patterns of Duma Recruitment, 1505—1550. In: *Essays in honor of A.A. Zimin*. Ohio. 1985, p. 232—258.
20. KOLLMANN N.S. The Grand Prince in Muscovite Politics: The Problem of Genre in Sources on Ivans Minority. — *Russian History*. 1987, vol. 14, issue 1, p. 293—313; BOGATYREV S.N. Ivan IV (1533—1584). In: *The Cambridge History of Russia*. Vol. I. Cambridge. 2006, p. 240—263; КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 17—19.
21. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Л. 1975, с. 21—23; ЕГО ЖЕ. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 192—199.
22. Новгородские писцовые книги. Т. 6. СПб. 1910, с. 35—564.
23. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 194.
24. Там же.
25. Там же, с. 199.
26. КОЛЫЧЕВА Е.И. Аграрный строй России XVI века. М. 1987, с. 16—17; КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 541; БЕНЦИАНОВ М.М. «Поверстати по достоинству безгрешно...», с. 26.
27. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 541—546.
28. Там же, с. 547—548.
29. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. М. 2004, с. 501—682.
30. Там же, с. 597, 619—622, 633, 641—644, 647, 657, 660—663, 666, 670, 675.
31. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 552.

32. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 303, оп. 1, кн. 637.
33. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (АСПБ ИИ РАН), ф. 29, оп. 1, д. 8, № 899, л. 870, 879.
34. ИВИНА Л.И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. — Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 27. М. 1965, с. 150—152.
35. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197.
36. КОБРИН В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М. 1985, с. 119—122.
37. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 549—550; КОБРИН В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.), с. 169—171.
38. БЕНЦИАНОВ М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского, с. 43—44.
39. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197.
40. СМИРНОВ И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.-Л. 1958, с. 76—78.
41. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Книга Степенная царского родословия. Т. 21. Ч. 2. СПб. 1913, с. 634; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1979, с. 28; Памятники русского права. М. 1956, с. 577.
42. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 271—273.
43. АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 197—199.
44. КРОМ М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века, с. 551—552.
45. Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М. 1977, с. 246, 262.
46. Сборник князя Хилкова. СПб. 1879, № 57, с. 152; Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 43, л. 123; д. 50, л. 291.
47. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М. 2005, с. 90—93.
48. Там же, с. 13—16.
49. Там же, с. 132—134.
50. Там же, с. 106—109.
51. Там же, с. 138—143.
52. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 54.
53. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 28—30.
54. Там же, с. 93—94.
55. Там же, с. 103—104, 110—111.
56. Там же, с. 136—137.
57. Там же, с. 93—96, 117—118.
58. Там же, с. 134—136.
59. ЗИМИН А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — Археографический ежегодник за 1957 г. М. 1958, с. 56.
60. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 101—102, 120—121.
61. Там же, с. 53—55, 101, 111—112.
62. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. М. 2000. с. 410.
63. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. 1987, с. 58.
64. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 109—110, 123.
65. Там же, с. 45—46.
66. Там же, с. 64—65.
67. Там же, с. 183; АБРАМОВИЧ Г.В. Поместная политика в период боярского правления (1538—1543 гг.), с. 199.
68. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века, с. 168.
69. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, с. 60, 82, 98.

70. ЭСКИН Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв., с. 43—46; ЕГО ЖЕ. Динамика местнических споров в XVI—XVII веках, с. 80—82.
71. Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 99—100.
72. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 28.
73. Памятники русского права, с. 577.
74. ПСРЛ. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. Т. 29. М. 2009, с. 342.
75. ЛИХАЧЁВ Н.П. Разрядные дьяки XVI века. М.-СПб. 2007, с. 442—445; БЕНЦИАНОВ М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в.: дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург. 2000, с. 24—26; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.-Л. 1950, с. 60, 66, 68, 205, 208; МИЛЮКОВ П.Н. Тетрадь дворовая. В кн.: Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып. I—II. Новая серия. Труды отдела славянской и русской археологии. Кн. V. СПб. 1901, с. 1.
76. БЕНЦИАНОВ М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в., с. 78—79; 115—117; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 95.
77. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 94—96.
78. БЕНЦИАНОВ М.М. Каширская десятина 1556 г. и проблемы формирования «служилого города». В кн.: Проблемы истории России. Сб. научных трудов. Вып. 10. Екатеринбург. 2013, с. 114.
79. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в., с. 274—275.
80. Персональный состав двора боярского правления см.: <http://ruling-elite.spbu.ru>.